

ПРИРОДА

№ 8, 2002 г.

С.Д. Степаньянц

Они жили на острове ЗИН

© “Природа”

Использование и распространение этого материала
в коммерческих целях
возможно лишь с разрешения редакции

Сетевая образовательная библиотека “VIVOS VOCO!”
(грант РФФИ 00-07-90172)

vivovoco.nns.ru
vivovoco.rsl.ru
www.ibmh.msk.su/vivovoco

Они жили на острове ЗИН

С.Д. Степаньянц,
кандидат биологических наук
Лаборатория морских исследований

Я глубоко убеждена, что мне повезло во многих отношениях. Зоологический институт всегда был и остается островом, на котором торжествует Наука, какие бы страсти ни бушевали в окружающем его океане жизни. Отголоски страстей оседали и здесь: были и в ЗИНе беспокойные времена, порой не так уж легко приходилось моим учителям и старшим коллегам, было и по сей день не всегда легко моим современникам. Но выручала наука — то, чем мы жили и продолжаем жить. Обо всех, кто работал в ЗИНе, кто создавал его, рассказать, к сожалению, невозможно, но хотя бы о некоторых, увы, уже ушедших, вспомнить просто необходимо.

Евгений Никанорович Павловский был директором Зоологического института, когда я только начинала работать здесь. О нем говорили — генерал. Красивый, огромного роста старик в генеральской форме казался чем-то сверхъестественным в тихом и абсолютно мирном учреждении. Почему же генерал? Да потому что, занимаясь паразитическими членистоногими, был основателем школы природной очаговости трансмиссивных заболеваний. Одновременно он заведовал кафедрой Военно-медицинской академии и был генерал-майором медицинской службы.

© С.Д. Степаньянц

бы. Авторитетный и смелый ленинградец, он мог в значительной мере влиять на дела в городе и даже в стране. Именно благодаря этому влиянию, как говорят, он спас в свое время многих коллег-зоологов от грозящих им арестов, а некоторым изгоев помог устроиться на работу в ЗИНе.

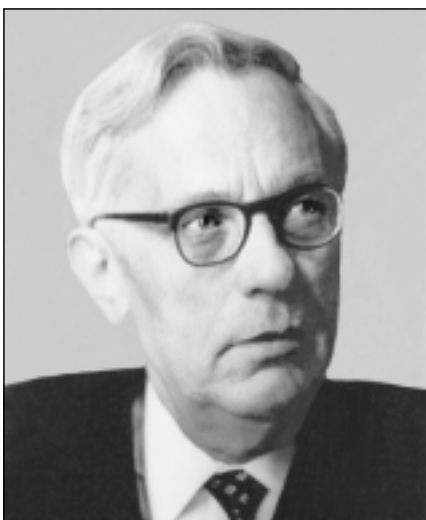
Борис Евсеевич Быховский за время моей работы в ЗИНе был сначала заместителем директора института, а затем директором. Ироничный, внешне строгий, но в действительности мягкий и образованный человек, он отличался демократичностью, доступностью, его знали как знатока и любителя книг. Квартира на Черной речке, где жила семья Быховского — Гурьяновой, не вмещала огромного количества самой разнообразной литературы, которую он покупал. По мере прочтения книги передавались в месткомовскую библиотеку ЗИНа, которой я в то время заведовала. На долю Бориса Евсеевича в бытность замдиректора выпал один из самых тяжелых моментов послевоенной истории института — капитальный ремонт. В лабораторном корпусе меняли старые деревянные балки на фундаментальные. Музей закрыли, и подносы с коллекциями перемещались в экспозиционные залы. Поделенный коллекционными

шкафами на клетушки, музей превратился в территорию науки. Коллекции следовало перенести из корпуса в корпус, с этажа на этаж с минимальными потерями. Такелажникам такое серьезное дело не доверяли, а поручали нам, лаборантам. Работали с огромным энтузиазмом, но часто мы, девочки, превышали свои «такелажные возможности»... Хорошо помню, как жена Бориса Евсеевича, профессор Гурьянова, увидев, как мы носим тяжеленные подносы, громко возмутилась. Нас срочно заменили, собрав по всему институту мальчиков.

Евпраксии Федоровне Гурьяновой в этом году исполнилось бы 100 лет. Я помню ее уже не красавицей, но вполне привлекательной женщиной. А с фотографий ее молодости глядит очень симпатичная, слегка восточного типа девушка, наверное, отчаянная сердцеедка. В ЗИНе ее звали Асей, и она была корифеем. Изучала амфипод, блестяще знала морскую фауну, была зоогеографом и экологом, отдавая особое предпочтение приливо-отливной зоне моря — литорали. Лекции в университете, статьи и монографии, огромное число учеников — равной ей в то время не было. С Быховским они были красивой «научной парой» и существовали, если позволено так выразиться, в одной весовой на-

Евгений Никанорович
Павловский (1884 — 1965).

Борис Евсеевич Быховский
(1908 — 1974).

Евпраксия Федоровна Гурьянова
(1902 — 1981).

учной категории. Я ее трепетно побаивалась и, должно быть, поэтому выглядела в ее представлении вечно нахохлившейся птицей. «Сквогррец», — говорила она мне со свойственным ей картавым «р», что меня очень удивляло: себе самой я скворцом не казалась...

Павел Владимирович Ушаков возглавил лабораторию морских исследований, которая вновь возникла, когда отдел гидробиологии разделился на несколько лабораторий (а это произошло уже при мне). Профессор Ушаков, Паша — так называла его Евпраксия Федоровна (он был женат на ее родной сестре), а мы — П.В. или Павлюнчик (за глаза, конечно). Он изучал кольчатых червей — полихет, но хорошо знал всю морскую фауну, и в частности мою группу — гидроидов. В наших коллекциях очень много материалов, где на этикетках значится: «Определил П.Ушаков». Его имя знали во всем научном мире, он много ездил в разные страны, но особым его пристрастием была Франция. Он свободно говорил по-французски и был несказанно горд, когда его избрали почетным доктором одного из университетов Марселя. П.В. был в числе первых русских биологов, оказавшихся в Антарктиде. Именно он способствовал принятию меня в ЗИН в качестве разборщика антарктических коллекций, а позже благословил на написание монографии «Гидроиды Антарктики и Субантарктики» по материалам этих сборов.

Борис Карлович Штегман — орнитолог, о заслугах которого говорить в столь кратком очерке нет смысла — они весьма значительны, и отведенного здесь места явно мало. Я с гордостью могу сказать, что дружила с ним и его женой Татьяной Сергеевной Савельевой. Волжский немец по происхождению, Б.К. одним из первых пострадал во времена репрессий. Человек высочайшей культуры и безграничного юмора, он рассказывал о бедах, постигших его в те времена,

так емко и остроумно, что арест и ссылка казались увлекательным приключением. Например, история, как его возили на допросы в Большой дом в фургоне с надписью «Хлеб», воспринималась комической миниатюрой на уровне Зощенко... Однажды летом они взяли меня с собой отдыхать в Коктебель. Я была много моложе их, и мой зачаточный тогда интеллект был несоизмерим с познаниями Бориса Карловича. Но почему-то им интересно было со мной, а мне... и говорить не о чем. Я многому у них научилась.

О **Татьяне Сергеевне Савельевой** я тоже с радостью написала бы гораздо больше, чем позволяет лимит этой подборки. Мы познакомились, когда ее лучшие годы уже прошли, но юный задор все еще жил, о чем свидетельствовали ее красивые глаза. Живая, очень острая на слово, она привлекала своими познаниями литературы, всесторонними интересами и коллекцией ситуаций «из жизни», которые в ее изложении звучали захватывающе интересно. Племянница знаменитого зоолога А.М.Дьяконова — гидробиолога и энтомолога, она дружила с его вдовой, геологом Дьяконовой. Та часто заходила к ней в ЗИН, и это был потрясающе интересный дуэт. Работала Татьяна Сергеевна лаборантом в отделении иглокожих. Деловым шагом, в черном халате, постоянно сновала она между кабинетом и хранилищем отделения — то с банками, то с кюветами или с постоянным орудием тогдашнего лаборанта — чугуном утюгом. В то время крупные объекты хранились в цилиндрах, герметичность которых обеспечивалась припаиванием в горячую стеклянного диска с помощью разогретого на электроплитке утюга. Такая процедура заслуживает специального очерка. Татьяна Сергеевна выполняла эту всеми ненавистную операцию терпеливо и с присутствующим ей чувством юмора. В Коктебеле и днем на пляже, и вече-

рами я слушала истории Б.К. и Т.С., смеялась, впитывала и, к сожалению, не запоминала...

С **Георгием Георгиевичем Винбергом** я была мало знакома, хотя мне он нравился своей, если можно так сказать, европейской манерой поведения. Держался очень красиво, был слегка «потусторонним» (видимо, слишком углубленным в свои мысли) и занимался научными проблемами, весьма от меня далекими и непонятными, особенно в те времена. Сегодня разработки школы Винберга по экспериментальной и продукционной гидробиологии известны каждому биологу. Тогда же сам факт приезда в ЗИН профессора из Минска с такой тематикой, чтобы возглавить лабораторию пресноводной гидробиологии с традиционно фаунистическим и таксономическим направлением, был огромным шагом вперед. Сейчас зиновские ученики Георгия Георгиевича — цвет гидробиологической науки. Один из них, таксономист-малаколог по своему первоначальному направлению в науке, А.Ф.Алимов, возглавляющий сейчас институт, продолжает развивать продукционное направление гидробиологии.

Георгий Устинович Линдберг, как и два других его сверстника-ихтиолога А.Н.Световидов и А.П.Андряшев, — достойные продолжатели дела своего учителя Л.С.Берга. Я воспринимала Г.У. как великого энтузиаста науки и чрезвычайно темпераментного докладчика. Было очень интересно слушать его выступления. Доставляло удовольствие смотреть на небольшого человека, обладающего грандиозной силой убеждения. Он был не просто фаунистом и систематиком (хотя и в этом его заслуги значительны). Его «Словарь названий промысловых рыб Мирового океана» и «Атлас рыбопромысловых карт» до сих пор используются рыбной промышленностью. А первоначальная критика идей Линдберга о четвертичных колебаниях уровня Мирового океана (увы, судьба многих нова-

торских гипотез!), хоть и стоила ему волнений и здоровья, позже завершилась признанием его теории не только биогеографами, но и географами, геологами и геоморфологами. В преклонном возрасте (когда я его знала) Устиныч имел очень характерную внешность — маленький, почти кругленький, чрезвычайно подвижный человек с глазами сильно нависшим. Кто-то дал ему очень меткое прозвище — Периофтальмус. Не знаю, было ли это ему известно, но думаю, если и было, то он не мог обижаться. Ведь периофтальмус — это рыбка с глазками на стебельках, живущая на ризоидах мангров, очень быстрая, симпатичная и почти неуловимая (второе ее название — илестый прыгун).

Анатолий Николаевич Световидов был антиподом Линдберга. Будучи ихтиологами и учениками Л.С.Берга, они занимались разными группами рыб и тем не менее не ладили. Об этом знали все, но не все понимали, в чем дело. Наверное, в характерах. А.Н. был тоже небольшого роста, всегда — в белом халате, то и дело семеня по лестнице административного корпуса с вечной сигаретой — ему, члену Академии, разрешалось курить всюду! У него были любимчики и были коллеги, на которых он за одни ему известные грехи имел бо-о-ольшущий зуб... Неуживчивый и строгий к окружающим, он, вероятно, был одинок и вызывал у меня чувство сострадания — особенно в дни большого горя: он потерял единственную дочь. Я относилась с большим уважением к его научным заслугам и часто разделяла даваемые им оценки людей — потому терпеливо выслушивала, стоя на лестнице, сетования старого профессора по тому или иному поводу.

Артемий Васильевич Иванов — скромнейший, тихий, углубленный в свои научные размышления человек (собственно, таким и должен быть гений). В ЗИНе, а может быть, и в стране, равного ему в понимании са-

Павел Владимирович Ушаков
(1903 — 1992).

Борис Карлович Штегман
(1898 — 1975).

Татьяна Сергеевна Савельева
(1902 — 1982).

Георгий Георгиевич Винберг
(1905 — 1987).

Георгий Устинович Линдберг
(1894 — 1976).

Анатолий Николаевич
Световидов (1903 — 1985).

мых разных вопросов зоологии, морфологии, эволюции, пожалуй, не было. Он описал новый тип животных — погонофор, что в современной зоологии случается не часто. Обсуждать с ним вопросы, касающиеся даже группы животных, в которой ты вроде бы и неплохой специалист, бывало очень страшно, а уж спорить... просто невозможно. Помню, как при подготовке одного из томов «Основ зоологии» Д.В.Наумов долго спорил с Артемием Васильевичем, как правильно называть тип животных — Coelenterata или Cnidaria. На то, чтобы убедить А.В. в правильности второго названия с привлечением веских доказательств, ушел не один месяц. О скромности академика Иванова ходили легенды. Рассказывают, что его, проработавшего в ЗИНе много десятков лет, однажды задержал новый вахтер. Глядя на замерзшего, с поднятым воротником скромного пальтишко и в шапке-ушанке, человека, он сказал: «Вас тут раньше не было!». Артемий Васильевич не стал спорить, а позвонил в свою лабораторию и попросил встретить его у входа, чтобы подтвердить, что Иванов работает в этом учреждении...

С Александром Александровичем Стрелковым я работала в одной лаборатории почти 20 лет. Сначала был период настороженности — все говорили, характер сложный, хоть на первый взгляд и мягкий. Ходил в тубейке, смотрел поверх очков и, входя в кабинет, постукивал костяшками пальцев по дверцам коллекционных шкафов. Когда входил в наш кабинет, я вскакивала и цепенела. Позже Стрелков был одним из тех, кем я восхищалась. Он знал все — от книг, которых прочел несметное множество, и зоологии, в области которой был энциклопедичен, до русского языка, безукоризненное знание которого предполагала его вторая профессия — редактор всех зиновских изданий. Я училась у него редактированию на примере замечаний

к двум моим собственным книгам. Он видел все ляпы, был принципиален, строг, требователен, не признавал слова «является», безбожно вычеркивая его из рукописи и комментируя: «Является только нечистая сила...» Сначала я дулась, потом перестала это слово использовать, а теперь сама, редактируя что-нибудь, вычеркиваю его, должно быть, в память о Стрелкове.

Александр Александрович Штакельберг был специалистом по Diptera, а это означает, что изучал мух. Всемирно известный энтомолог, основатель отечественной диптерологической школы рассказывал незатейливую историю о том, как собирал вдоль берега р. Луги интересующих его насекомых. Проходящая поблизости старушка видит высокого седовласого человека с... сачком, каким дети ловят бабочек, и спрашивает «Что, сынок, делаешь?» — «Мух ловлю», — отвечает. «Господи! — вскричала старушка. — Чем только люди не занимаются, чтобы деньги заработать!» Происходил из старинного прибалтийского рода фон Штакельбергов, герб которых по сей день находится в кафедральном соборе Таллина. Я раньше часто ездила в этот город, главным образом в 20-х числах декабря, чтобы подышать ароматом католического рождества. Неизменно в мою программу входило посещение этого собора, чтобы отдать поклон фамильному гербу одного из обожаемых мною зиновских коллег. Александр Александрович дружил с другим институтским энтомологом — Маргаритой Ервандовной Тер-Минасян. Как сейчас вижу: высокий породистый седовласый старик медленно движется по коридору лабораторного корпуса, держа под ручку маленькую, слегка прихрамывающую женщину в синем халате. Ежедневный, почти ритуальный проход двух корифеев-энтомологов, обсуждающих насущные проблемы науки и жизни лаборатории, а может, и института. Меня успокаивала встреча с ними: идут — значит,

все на своих местах, все в порядке.

Маргарита Ервандовна Тер-Минасян — сама мудрость: так сочно и разумно, иногда категорично, но всегда правильно, мне кажется, никто на ученых советах и институтских собраниях не выступал. Безукоризненно правильный литературный язык с едва уловимым армянским акцентом придавал ее выступлениям особый привлекательный оттенок. После нее на заданную тему и говорить-то было бессмысленно. Насколько я знаю, она нередко писала разного сорта официальные бумаги по просьбе администрации — был у нее и такой дар. Профессор-колеоптеролог, широкоизвестный в своей области специалист, она имела множество учеников и активно покровительствовала особенно талантливым: благодаря ей в ЗИНе работают сейчас яркие специалисты в области таксономии и фауники жуков. Был в моей жизни в те времена не очень приятный период — я расходилась со своим мужем. Узнав о моих делах, Маргарита Ервандовна так прокомментировала этот факт: «Не расстраивайся! Он не настоящий армянин — плохо разбирается в женщинах...»

Дмитрий Максимилианович Штейнберг был ярким человеком — сын композитора М.Штейнберга и внук Н.А.Римского-Корсакова. Какая могучая наследственность! Его родной брат Сергей был известным художником, а сам Дмитрий — талантливейшим энтомологом. Систематик, фаунист, экспериментатор, эколог и к тому же — энергичный организатор. Это он создал новую лабораторию экспериментальной энтомологии и был ее идеологом вплоть до фантастически нелепой смерти от незамеченной в свое время грыжи. Любая смерть несвоевременна и горька, но когда уходит молодой, красивый, полный энергии и планов человек, горше вдвойне. Кабинет, где работал Д.М., располагался напротив

комнаты, где я начинала работать и сижу по сей день. Может быть, поэтому он выбрал меня в качестве секретаря Научного Собрания ЗИНа, которое сам и возглавлял... Это Собрание существует до сих пор, проводится два-три раза в год (на сегодня их общее число перевалило за 150), его можно считать маленьким памятником Штейнбергу.

Орест Александрович Скарлато за те почти 50 лет, что работаю в ЗИНе, переходил из одной «весовой категории» в другую. Сначала был Ориком и изучал двустворчатых моллюсков отечественных морей; вместе мы участвовали в дальневосточных экспедициях: он нырял вместе с А.Н.Голиковым, а я была в числе отряда разборщиков, которые определяли собранный материал. Затем он стал секретарем партийной организации института, потом заместителем директора и, наконец, директором, академиком РАН. Но во всех ипостасях он был доступен, прост и абсолютно демократичен: для кого оставался Ориком, для кого — Орестом, и лишь для младших поколений — Орестом Александровичем. Наверное, демократичность — знак ЗИНа: здесь считается плохим тоном говорить о разных уровнях человеческого и научного положения. В общей сложности Скарлато руководил ЗИНОм почти 40 лет. Он был невероятно занятым человеком, но когда дело касалось института, ни временных, ни «инстанционных» преград не существовало — в государственных, академических, городских или партийных учреждениях он решительно добивался успеха. Гений научно-организационной деятельности (чему способствовала поразительная его самодисциплина) — он успевал все, хотя, безусловно, уставал. Потому перетрудил свое сердце и умер на посту —сходя по трапу приземлившегося в Дармштадте самолета. Его довели на машине до музея, куда он прибыл открывать выставку Зоологического института. Только здесь, в садике воз-

Артемий Васильевич Иванов (1906 — 1992).

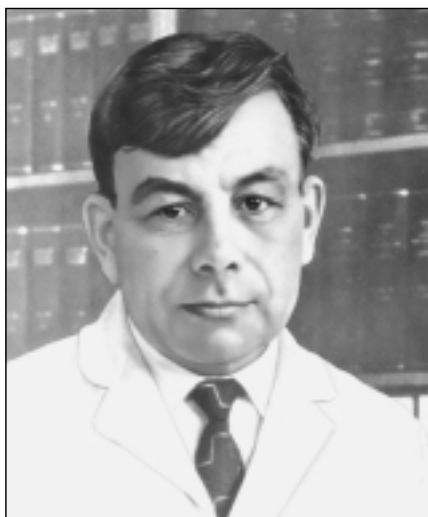
Александр Александрович Стрелков (1903 — 1977).

Александр Александрович Штакельберг (1896 — 1975).

Маргарита Ервандовна Тер-Минасян (1910 — 1995).

Дмитрий Максимилианович Штейнберг (1909 — 1962).

Орест Александрович Скарлато (1920 — 1995).

ле музея, сопровождавшие коллеги поняли, что Ореста Скарлато не стало...

Донат Владимирович Наумов — мой учитель, иначе говоря — шеф. Сначала я работала его лаборантом — временным, потом штатным хранителем коллекций. Помогала ему во всем, доливала банки с пробами, выправляла его рукописи, иногда он доверял мне рисовать иллюстрации к его книгам. Все это было прекрасной школой постижения не лаборантской профессии, а группы квидарий и специфички таксономическо-фаунистических исследований. Шеф всему учил личным примером, потому что умел и любил все делать сам. У него были сильные жилистые руки, и я, по сей день имеющая привычку по рукам судить о характере человека, твердо знала, что попала в хорошие руки. Я увлеклась своей работой, но еще больше любила (с детства!) литературное творчество. Когда Донат Владимирович (все звали его Донатиком) сказал мне, что пора поступать в аспирантуру, я честно призналась: «Может на журналистику, в университет?» — «Ну, Соня, вот те и раз! Подумайте, конечно, но, поверьте, защитившись и став научным работником, путешествуя, наконец, вы найдете нескончаемое количество тем для литературной деятельности». То же советовал мне Быховский. Оба оказались правы. Донат был творческим человеком. В экспедициях он все время писал, рисовал (привозил из поездок массу акварелей), часто пользовался кинокамерой, делал фотографии, вырезал маски и т.д. Как жаль, что тогда еще не было ни компьютеров, ни цифровых камер — он оставил бы во много раз большее наследие. Блестательный лектор, он обладал редкой способностью делать серьезные научные доклады легкими, доступными и красивыми, популяризуя свою науку. Многих, кто расценивал это как некую легковесность, такой стиль раздражал... А я училась. Сейчас,

когда шефа, увы, нет, я, готовя доклады, думаю, как бы их сделал Донатик.

С **Константином Абрамовичем Бродским** мы дружили, что называется, семьями. Его жена Наталья Семеновна (Наташа) работала в моем кабинете. Когда она ушла в декрет, а потом не стала работать, я заняла ее место штатного лаборанта. Константин Абрамович был ярким, талантливым человеком и, как всякий талантливый человек, имел совсем непростой характер. Со стороны казался высокомерным, но ведь дружил же со мной, лаборанткой, и со своими молодыми ученицами — все мы часто бывали у них с Наташей дома. Бродя занимался морским планктоном и одновременно... энтомофауной горных потоков. Море и горы — это его любовь. Он был живописцем, из морских экспедиций и поездок в Среднюю Азию привозил несчетное количество пейзажей маслом или акварелью. Устраивал дома вернисажи, а потом дарил нам свои картины. Я горжусь тем, что владею десятком его работ и не знаю, что люблю больше — пенное море, розово-красные горные закаты или букетик фрезий, обожаемых цветов.

Владимир Сергеевич Шувалов, Володя, — сверстник. Ушел он очень рано, сосуды никуда не годились: блокадный ребенок. Был живым, веселым, динамичным, социально активным и справедливым — тем редким типом человека, который нравится всем. Его искренне любили все. Володя был планктонологом, участвовал во многих морских экспедициях до тех пор, пока болезнь не приковала его к дому. Но даже получив инвалидность, не позволяющую работать, ходил в институт, писал книгу и оптимистично верил в лучшее. Любил говорить: «Мужчина должен быть свиреп и груб!» — что в устах его, светлого и доброго человека, звучало невероятно забавно...

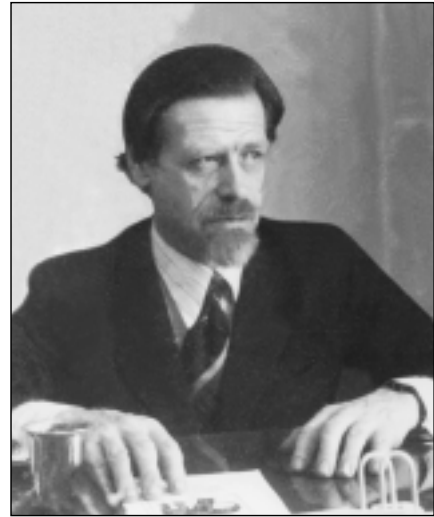
Юрий Иванович Галкин — скромнейший, тишайший, пункту-

альнейший и... ироничнейший. Пожалуй, это самые точные эпитеты, которые, именно в такой последовательности, по моему разумению, принадлежат Юрию Ивановичу. В бытность директором Мурманского морского биологического института ему случалось, должно быть, вытаскивать на поверхность глубоко погруженные в себя некие другие качества. Тем более что директором-то он был в реакционные времена. Но необходимость пользоваться этими свойствами не испортила его, а, напротив, способствовала оттачиванию его иронии. Он частенько заходил в наш кабинет и, заикаясь, тихо бросал реплику по поводу происходящего — точнее не скажешь... По необходимости давал мне работать со своими записями, в которых мелко и аккуратно излагал исторические события и оценки развития науки на Севере. Читая, я всякий раз жалеяла, что мало времени, а прочесть-то надо бы все.

Николай Николаевич Воронцов и **Олег Григорьевич Куцакин** — самые близкие по духу и самые надежные. Кока и Олежек... Коля учился в аспирантуре ЗИНа и работать в нем мечтал всю жизнь. Он трепетно любил зиновские запахи, шкафы, коллекции и книги, кабинет, где сживал в молодости, друга П.П.Стрелкова (Петрушу, а ведь такие разные!), Г.И.Баранову — «самую опытную и знающую лаборантку», учителя Б.П.Виноградова и самого уважаемого коллегу И.М.Громова. Очень многое связывало Воронцова с институтом. Приезжая в наш город по совсем другим, можно сказать государственным, делам, несмотря на краткие визиты и страшную занятость, он приходил в ЗИН, часто привозил коллекции грызунов и насекомых, собранные специально для института во время коротких выездов в экзотические места. Регулярно навещал меня дома, и мы обсуждали, сколько хватало времени, новости науки, ее проблемы и житейские дела — про его до-

чек Машу и Дашу, внука Егора и живущих в Таллине внушек — «совсем уже эстонских». Однажды в моей квартире раздался телефонный звонок и колин голос: «Софочка, а кто это у тебя в стенку стучит?» Действительно, стук в стенку... «Коленька, ты где?!» — «В Москве». И опять стук в стенку... «Ты где?» — «В Москве». Доведя меня до полуобморочного состояния, он признался, что приехал в Питер на один день — встречаться с питерскими интеллектуалами. Встречу эту организовала журналист Наталья Сидорова, которая по стечению обстоятельств живет в моем доме, стенки наших квартир — смежные... Коля болел тяжело и долго. Я регулярно говорила с ним по телефону, но ни разу за время его недуга не ездила в Москву, не поехала и на похороны. Он остался в моей памяти Коленькой, крупным, моложавым, с богатейшей черной шевелюрой и вечной сигаретой в мундштуке.

Олег Григорьевич Куцакин был университетским аспирантом и учеником Е.Ф.Гурьяновой. Все аспирантское время просидел в зиновских коллекциях изопод. Работать уехал во Владивосток, в Институт биологии моря ДО РАН. Но ежегодно бывал в ЗИНе по несколько месяцев — работал с коллекциями и литературой. В Питере живет семья его сына Глебушки и любимые внуки, с которыми он с женой Аллочкой счастливо соединились летом в деревенском доме на Новгородчине. Бывали годы, когда Олег болел, но все равно приезжал в ЗИН и в деревню на лето. А вот год назад, летом, приехал помолодевший, посветлевший, говорил, что чувствует себя много лучше. Я засыпала его комплиментами — такой красивый, мол, одно слово — жених... А ушел совершенно внезапно, дней за десять, простудившись в деревне, чем разбудил дремавшую в нем опаснейшую инфекцию... Олежек любил не только изопод, литораль, зоологию вообще, но и литературу.

Донат Владимирович Наумов (1921 — 1984).

Константин Абрамович Бродский (1907 — 1992).

Владимир Сергеевич Шувалов (1930 — 1980).

Юрий Иванович Галкин
(1923 — 2001).

Замечал ошибки даже в многократно проверенных и отредактированных текстах, злорадно комментируя. Был период, когда наша дружная компания, несколько семей, с удовольствием проводила время на даче моего дядюшки М.Г.Равича. Олег работал и там: привозил с собой огромные таблицы, ставил в них крестики и прочерки, а на вопросы далеких от зоологии и биогеографии друзей объяснял, что закрывает, мол, нотальную зону... В знании поэзии равно ему не было. Даже актеры, составляющие часть нашей компании, слушали Олежека, раскрывши рты, особенно когда он читал К.Бальмонта, — в то время символисты моим ровесникам были мало знакомы:

Мне нравится все, что Земля мне
да-
ла,
Все сложные ткани и блага и зла,
Всего я касался, всему я молюсь,
Ручьем я смеялся, но с Морем
со-
люсь.

* * *

Многие прекрасные личности, умные, образованные и благородные, прошли передо мной — их образы, их жизнь и работа запечатлены в моей памяти и служат эталоном преданности делу и честности во взаимоотношениях с этим сложным миром. Для младших поколений многие имена кажутся далекой историей, а я воспринимаю их всего лишь как день вчерашний... ■

Николай Николаевич Воронцов
(1934 — 2000).

Олег Григорьевич Кусакин
(1930 — 2001).